

способлений. Я ей дал бумажку с адресом родителей. Обняла меня тетя Клава и, перекрестив, вытерла слезы. Она села в сигнальщик обшарпанный автобус, который, рванув с места, быстро скрылся из вида.

Второй раз, в 1944 г., в Батуми она пела со своим джаз-оркестром в городском саду. После концерта она с мужем пришла к моим родителям. За разговорами рассвет пришел.

В 1946 г. во избежание тлетворного влияния Запада джаз-оркестры разогнали. Слава Клавдии Шульженко росла с каждым годом. Ее репертуар и манера исполнения пользовались огромным успехом. С концертами она объездила всю страну. Миллионный тираж грамзаписей раскупался мгновенно.

Последний раз я виделся с Клавдией Ивановной в 1979 г. в Сочи. Я обратил внимание на ее болезненный вид. "Хреново я себя чувствую, Пусик, — сказала она. — Вот, живу с Бетькой в Москве — и не видимся, все время в разъездах". После концерта она выглядела очень уставшей, исчез ее знакомый смех. Я не смел задерживаться.

Мать моя, переехав в Москву, видела Клавдию всего дважды: когда ей присвоили звание народной артистки и когда она умерла, 17 июня 1984 г. На кладбище мать не пошла — сама плохо ходила. Еще мать мне говорила, что личная жизнь Клавдии сложилась неудачно, но подробностей не рассказывала. Она была отменная певица, мастер музыкального слова и только эстрадная, с только ей присущей манерой исполнения. Если кто-то помнит ее "Челиту", "Голубку", "Руки", "Записку" — тот поймет, что я этим хотел сказать.

Но всему свое время, и прошлое покрывается паутиной забвения. Но вдруг сквозь эту паутину вырывается лучик из прошлого, и ты счастлив от соприкосновения с былым. Недавно одна молодая певица исполнила несколько песен "из репертуара Клавдии Шульженко", — как объявила она, не называя ни композиторов, ни авторов этих известных песен.

Конечно, это было не то, но спасибо, что вспомнили.

Стрельба стихами Одесские писатели в "прицелах" друг друга

"Стрельба стихами" — такая рубрика была заведена в журнале "Чудак" в 1930 году. В ней можно было встретить реплики, эпиграммы, комментарии, отзывы по любому животрепещущему вопросу современности, связанному с литературой и искусством. Нечего и говорить, что большинство материалов состояло из эпиграмм в 2-4 строки, посвященных только что изданной книге, подборке стихов или разразившемуся литературному скандалу.

Особой новинки в этом начинании не было: везде, где сохранялась любовь к литературе, где существовало какое-либо общение между пишущими стихи и прозу, не обходилось без обмена мнениями, без заинтересованных разговоров и споров, принимающих порой причудливые формы, от восхищения до издевки.

Одним из ярких проявлений такого рода общения было содружество молодых людей, покоренных любовью к поэзии и живших в Одессе в начале XX века. Их было много — разных по своему возрасту, полу, развитию, образованию, социальному и материальному положению... Литература целиком и полностью владела их умами. Потому и реакция на творчество друг друга облекалась в литературные формы: появлялись мадригалы, эпиграммы, сатиры, пародии, статьи, рецензии... Требовать от них объективности было неразумно: молодой задор, категоричность, уверенность в собственной правоте исключали сомнения, колебания, нерешительность. Нужно было не только отозваться о работе коллеги, но и (что не менее важно!) продемонстрировать свою позицию, свое умение разбираться во всем и ставить точки над "i".

Никто не был застрахован от жесткой критики: перестрелка велась обоюдная — нападающий сегодня мог оказаться завтрашней жертвой. Перехлесты наблюдались во всем — в оценке событий, личностей, произведений... Создание эпиграмм сплошь и рядом диктовалось сведением личных счетов, потому немало их появлялось без подписи. Нельзя сказать, что критериями во взаимных оценках служили классические достижения литературы. Многие в отношениях молодых поэтов шло от чрезмерного самомнения, от противопоставления признанным авторитетам, от упрямого сопротивления поэтическим традициям. И тем не менее, их содружество подтвердило тезис: ничто так не сближает людей, как поэзия.

Посвящения, эпиграммы, сатиры, если они не приправлены перцем, скучны и унылы; читать их просто-напросто неинтересно. Потому любой иронический выпад или сатирическая оценка сегодня (с позиций последующих открывшихся знаний) становятся вдвойне любопытны. В пикировках, насмешках, издевательствах таились корни многих поступков, объяснение которым можно было найти лишь спустя годы. Не зря сказано: "нам не дано предугадать, как слово наше отзовется".

Судьба молодых одесситов, "ушибленных" литературой, сложилась по-разному: кто-то из них достиг всероссийской, а то и мировой славы, кто-то стал рядовым журналистом, переводчиком, редактором, кто-то занялся иной, более практической деятельностью. Приведенные здесь эпиграммы и пародии одесских авторов были написаны в разное время, по разным поводам и с разными намерениями. Важно, что все они стали свидетельствами того необычного феномена, что удивляет человечество уже сто лет — превращение никому не известных молодых одесситов в будущих знаменитых мастеров литературы.

А.Е. Крученых был много старше других стремящихся в литературу одесситов в 1906 году, когда будущие знаменитости ходили в коротких штанишках или только родились, как С. Кирсанов; он уже окончил Одесское художественное училище и примкнул к футуристам. Въедливый и настойчивый характер помог ему занять среди них одно из ведущих мест. Он стал теоретиком, изобретателем заумного языка, в 1912 году (вместе с В. Хлебниковым!) выпустил первый сборник.

Заумный язык и послужил главной причиной внимания сатириков к творчеству Крученых. Одна из острых пародий, оставшаяся без подписи, была обличена в форму загадки:

Все шиворот-навыворот. Все наоборот.
Верчено, мучено,
Хитро закручено,
Поэзии нет. Есть стихоплет.
Что это?

М. Пустынин — одессит и почти ровесник Крученых — не стал секретить свое авторство хлесткой пародии из цикла "Чижик", посвященной словотворчеству поэта.

Взюк
Назююкался
Чижик.

Взюк!
Назююкавшись, вспомнил
Юг.
В глазах
Истерика... ах!
Плывет Фонтанка...
Фонка!.. Анка!..
Чижик пьян чересчур.
Дыр-бул-щур!
Чижик прищурился,
Чижик надырбулщурился!..
Перья — в ключья!
Голова у чижика — сорочья!
Чижик превратился в сову.
В-в-в-в-ву-у-у!..
Чижик достукался,
Вдрыг назююкался,
Назююкавшись, вспомнил юк...
Зе-це-эй!.. Взюк!..

Собственно говоря, и миниатюра В. Инбер — также представительница старшего поколения одесских литераторов — прозвучала как предупреждение Крученых и ему подобным — не писать как курица лапой:

Если будешь печь стихи,
Попадешь в Крученыхи.

Варясь в общем одесском литературном котле, Л.П. Гроссман, тем не менее, держался некоторым особняком, соблюдая дистанцию по отношению к восторженно-романтическим поэтам. К тому времени, когда они стали серьезно увлекаться литературой, он уже окончил университет. Печался он с 15 лет, и юношеский ажиотажный интерес к публикациям был для него делом прошлым. К тому же и интересы его лежали не столько в области поэзии, сколько в критике и литературоведении.

Конечно, его старшинство и обширные познания были некоторым препятствием для дружбы с молодыми авторами на равных. Это не могло не отразиться в эпиграммах.

Аноним:
Как чтит он доблести свои
И как ярки его претензии!

Но как бледны его статьи,
Его стихи, его рецензии...

Однако большинство эпиграмм на Гроссмана появилось позднее, когда он напечатал оригинальнейшие работы — о пушкинском времени (стилизовав их под записки современника поэта), о судьбе Сухова-Кобылина, о Достоевском... Конечно, не литературоведческие изыскания Гроссмана, какими бы оригинальными они ни были, обращали внимание сатириков: откликались они на мистификационные "Записки д'Аршиака", на книгу о недоказанном преступлении Сухова-Кобылина, на его исторические произведения.

Особенной активностью отличались бывшие знакомцы по Одессе — Э. Кроткий и Арго. Они дотошно следили за работами Гроссмана и спорами вокруг них, облекая свои наблюдения в яркую комическую форму. Одной из эпиграмм ("Два Гроссмана") Кроткий предпослал эпиграф из литературной хроники: "В. Гроссман в своей книге пространно опровергает утверждение Л. Гроссмана об убийстве драматургом Сухова-Кобылиным француженки Симон де-Диманш".

Гроссман к Гроссману летит
Гроссман Гроссману кричит:
— Гроссман, где б нам пообедать,
Как бы нам о том проведать?
Гроссман Гроссману в ответ:
— Знаю, будет нам обед —
В чистом поле, под раkitой,
Труп француженки убитой!

Этот отзыв был опубликован в 1933 году в журнале "Крокодил" и в том же году, но уже в "Литературной газете" появилась еще одна (со-ставная) эпиграмма Кроткого на Гроссмана "Исторический роман":

1

Подделка? Подлинник? Названья цель двояка.
Записки Гроссмана? Записки д'Аршиака?
Пожалуй, Гроссмана. Но если что не так,
То... отвечает д'Аршиак!

2

Москва далекого столетья.
Хоромы. Терем. Мать (сестра),
Крича в оконце: "Петя, Петя!" —
Зовет великого Петра.

Приказы. Казни... страшно инда
Вопит читатель: — Скрыться б в скит!
Стрельцы бунтуют. Рядом рында
Статистом оперным стоит.
Потом, конечно, — ветер невский
И Брантов бот с прогнившим дном,
И... добросовестный Ключевский
Тебе поможет в остальном.

Такое внимание эпиграмматиста к Гроссману нельзя списать только на счет общей одесской юности. В 30-е годы общественность бурно реагировала на каждую литературную новинку, появлявшуюся в печати. Гроссман писал нестандартно, поднимал вопросы малоизученные, излагал свои версии увлекательно. Что еще нужно было читателю и сатирику, чтобы отметить интересного автора?

К женщинам, сгорающим от желания писать стихи, в Одессе относились скептически и насмешливо. Женщина-поэт рисовалось как нечто восторженное, сентиментальное, многословное... Нечего удивляться, что В.М. Инбер сильно доставалось от ее земляков.

Аноним:

Слова об объятых и ядах,
Повторенные стократ.
В "Ваших горьких уладах"
Не найдет читатель улад.

А. Крученых:

Как машина Зингер,
Ловко строчит Инбер.

Особенно досаждали Инбер профессиональные сатирики с одесским прошлым — Э. Кроткий и М. Пустынин. Они изводили ее по любому поводу. Пустынин включал пародии на ее стихи в самые разнообразные циклы, например, "Стреляй метко!", "Упал метеор", "Поезд опоздал на восемь часов"...

Опоздавший поезд
Полон интереса...
Опоздавший поезд —
Это же Одесса!

Кроткий не отставал от Пустынина. В его пародиях были не только шутки, но и весьма серьезная критика — и литературная, и идеологическая. Например, в этой:

Как позабыть Вертинского дорожку,
Салонный парадокс?
Вот, например, влюбился как-то в кошку
Обыкновенный фокс.
Ха-ха. Смешно! Но фоксику, однако,
Совсем не до острог:
Ведь, говорят, от эдакого брака
Рождается... фокстрот!
Фокс приуныл. От острого сюжета
"Прожектор" без ума!
Я не шучу. Конечно ж, кошка эта —
Советская весьма.
В эпохи дух вникаю понемножку.
Извольте-с, дань поре:
Я напишу, что фокс влюбился в кошку
В мятежном Октябре.
Я не эстет. Но все ж про лак японский, —
Я напишу про кррровь!
Я такова. Меня почтил Воронский*
И приглашает в "Новь"***.
И вот — стихи, изделие дамских ручек,
Не рифмы, а хрусталь.
Но... женщина не может быть "попутчик",
"И это очень жаль"!

Не довольствуясь только пародиями, Кроткий писал на Инбер и эпиграммы, напирая на присущие поэтессе сюсюкающие интонации.

Она для салонов,
Она и для фабрик:
Фокстротик и фоксик,
И — рядом — "Октябрик".

В конце концов, Кроткий так надоел Инбер, что она пустила о нем шутку (причем, написала ее на стихах Кроткого, помещенных в стенгазете):

Мели, Эмиля,
Твоя нидиля!

Досаду Инбер можно понять; однако как автор пародий и эпиграмм

*А.К. Воронский — редактор журнала "Красная новь"; начинал литературную деятельность в Одессе.

***"Прожектор" и "Красная новь" — популярные журналы 20-30-х годов.

(а этому виду творчества поэтесса тоже отдала дань), она должна была бы выучиться держать удар.

Последнее слово все же осталось за Кротким: на это двустигшие он ответил четверостишием, в котором задел не только Инбер, но и ее тогдашнего мужа Чайку:

Типично дамская манера, —
И не умно, и не остро,
Сие писала Инбер Вера,
Из Чайки выдернув перо!..

Г.А. Шенгели также относился к старшей группе одесских литераторов. Уже говорилось о том, что одесская литературная молодежь не очень-то почитала авторитеты, поэтому отношение к поэзии Шенгели у нее было неоднозначное. Признавая за ним некоторые поэтические заслуги, они, тем не менее, воспринимали его скептически. Это отношение сохранилось на долгие годы: ситуация типичная, описанная Д. Кедриним, — "у поэтов есть такой обычай — в круг сойдясь, оплевывать друг друга...".

Э. Багрицкий, неплохо зная поэта и его творчество, не простил ему некоторого высокомерия и вспомнил о нем уже в московские годы жизни. Описывая вечера в литературном Доме Герцена, он вскользь (но от этого не менее ехидно) упомянул о поэте:

...Там корчит поэта Шенгели...

И. Сельвинский, в юности какое-то время живший в Одессе, тоже саркастически отозвался о поэзии Шенгели:

В лоскутных ямбиках скандовочкой коварной
То пушкинзоновский, то брюсовский язык,
И лишь тогда вопрект шенгелиевский лик,
Когда он переводит из Верхарна.

Сельвинский же поймал поэта на слиянии букв в строке и тут же повеселился на этот счет:

"И шаг мой стих"...
Сказал Шенгели.
И в самом деле:
Ишак твой стих.

У многих, очевидно, на всю жизнь откладываются негативные юношеские впечатления.

И.Э. Бабель довольно поздно вошел в литературу и потому от молодых одесских сатириков почти не пострадал. Одесситы оценивали его творчество уже задним числом, постфактум, пытаясь разобраться в особенностях его недожженного таланта.

С. Кирсанов:

Не надо даром зубрить сабель, —
Меня интересует Бабель,
Наш знаменитый одессит.
Он долго ль фабулу вынашивал,
Писал ли он сначала начерно
Иль, может, сразу шпарил набело, —
В чем, черт возьми, загадка Бабеля?

Расшифровкой творчества Бабеля с пристрастием занимались одесские прозаики, отдавшие дань пародийному жанру — Д. Мэллори (Б. Флит), И. Ильф и И. Прут. Бабель не был на них в обиде. О его отношении к пародиям свидетельствует надпись писателя на черновике пародии Прута: "Ончик!* Это — гениально!".

Вот отрывки из больших пародий Прута, Мэллори и Ильфа. Выдержки дают возможность судить о мастерстве пародистов и об узнаваемости прозы Бабеля.

И. Прут:

"Вы спрашиваете, почему Бени Крика прозвали Королем? Так это знаю я, собирающий милостыню около синагоги биндюжников, старый еврей, у которого на сердце тоска и родная дочка учится ув русской гимназии.

Произошло все это тогда, когда в городе стояла весна. Был тот период года, когда на деревьях набухали почки, рождалась любовь, а у пожилых людей начиналась осень. На бульварах гремела музыка, лихачи носились по улицам круглые сутки, а девушки готовили приданое, ибо весна в Одессе означала замужество.

Молдаванка шумела. Шесть человек соскочили с красной машины французской фирмы "Панар-Левассор" у дома номер шесть по Костецкой..."

Д. Мэллори:

"Крик Бени Крика неописуемо несется в незабываемо прекрасной ночи, когда старая побирושка луна с изъеденным луэсом носом стоит за побиением в Соцобес на беспредельном небосклоне..."

...Солнце свисало с неба, как розовый язык бешеной собаки или желательная брань обольстительного критика. Исполинская волна

*Так называли И. Прута его друзья.

контрамарочников накатывалась на весь театральный сезон, как приступ рвоты во время морской болезни: безудержно и властно..."

И. Ильф:

"...Вся Косарка давилась от смеха, но что с того? Кто делает такие вещи в три часа дня, когда Женя из угрозыска с целой бандой прыщей на лице идет домой на обед?"

Он взял всех, как новорожденных, и повел прямо на протокол. Впереди шла Феня-Локш, за ней женихи, которые крутились от досады, потом Женя с немцем, а позади всех топал старый Семка с своей смешливой истерикой, которая в тот день была у всей Косарки".

Что сказать об этих пародиях? Во-первых, об одной из них уже положительно отозвался сам Бабель, а во-вторых — одесситу всегда проще понять одессита, а ведь в произведениях Бабеля одесские интонации — уже половина успеха.

Э.Г. Багрицкий был весьма почитаем среди одесских любителей и знатоков поэзии. З. Шишова шутя назвала "милого Эдуарда" "обрусевшим эмигрантом страны персидской". Так же шутливо писал о нем Л. Славин:

...Кривя зловеще губы,
Рыча, как пьяный леопард,
Встает надменный и беззубый
Поэт Багрицкий Эдуард.
Его поэмы — совершенство,
Он не марает даром лист.
И телеграфное агентство
Ведет как истинный артист.

От тех же времен одесской молодости сохранилась анонимная эпиграмма:

Парис Багрицкий Эдуард —
Ему омфалосный* парнастик
Хвалы слагает: "Вы наш бард
Вы наша гордость, вы наш классик!"

В анонимной же пародии была сделана попытка "приземлить" морскую романтику поэта, которая — по мысли пародиста — не могла выдерживать конкуренции с прозой действительности:

По Черному морю, по волнам белесым
С тобою в шаланде мы плыли в Одессу.

*В 1918-1919 годах в Одессе существовало издательство "Омфалос", а еще прежде был образован кружок "Омфалитический Олимп".

Летели над нами соленые брызги,
Сидели в шаланде влюбленные вдрызг мы.

Но только к тебе я хотел прислониться,
Чтоб вместе с тобою под ручку пройтись,
А ветер как взвояет, а ветер как всвищет,
Как двинет волною под самое днище!

Хлебнула шаланда воды по края.
"Постой, — говорю, — дорогая моя!
Катись со своею "под ручкою" к бесу,
Добраться б нам только живыми в Одессу!"

Звание романтика не исключает реалистического отношения к окружающей обстановке. Багрицкий прекрасно представлял, с каких позиций некоторые критики пытались оценивать его стихи. Издеваясь над ними, он писал об их желании видеть в его стихах различные "красивости".

Чтоб были страсти, чтоб огонь, чтоб гром,
Чтоб жеребец, чтоб кровь, чтоб клубы дыма...

Багрицкий иронически относился к тому образу, который представлялся идеологам. Следствием этого были далекие от бравады автоэпиграммы. Вот одна — о его неустроенном быте в Одессе:

Вас покидает со слезой
Поэт, единственнейший в мире,
Что на Ремесленной хмельной
Живет под номером четыре.

А вот другая — о своем творчестве, горько и саркастично:

...Я вижу, как взволнованные воды
Зажаты в тесные водопроводы,
Как захлестнула молнию струна.
Механики, чекисты, рыбководы,
Я ваш товарищ, мы одной породы, —
Побоями нас нянчила страна!

Вряд ли кто другой смог бы превзойти в самоиронии Багрицкого.

Найдется ли другой одесский писатель, о ком бы говорили больше, чем о В.П. Катаеве? Разнообразными произведениями он обеспечил внимание к собственной персоне на длительное время. Одесситы, близко знавшие Катаева, так или иначе не могли не откликнуться на результаты

его литературной работы или на факты его личной жизни. Едва ли не самая ранняя эпиграмма на него (без подписи) носила негативный характер:

Могу ль украсить я венком
Того, кто полон злобы жалкой!
Вы не владеете стихом,
Зато владеете вы палкой.

Мастеровитость писателя уже в молодые годы отметил его земляк Л. Славин:

Но вот ввергая в жуткий трепет,
Влетает бешеный поэт —
Катаев — и с разбега лепит
Рассказ, поэму и сонет.

Не мог, конечно, не найти отражения в эпиграммах факт литературного наставничества Катаева над И. Ильфом и Е. Петровым.

А. Иванов, А. Рейжевский:

В веселом цехе каждый рад
Его увидеть снова.
Сатиры нашей друг и брат
(Друг Ильфа, брат Петрова).

Эпиграмма подписана двумя авторами, один из которых — одессит. Рейжевский всю жизнь писал эпиграммы; были среди них сатирические, но чаще попадались лирические: автор не хотел портить отношения с персонажами. На Катаева им написана масса эпиграмм и, конечно, большинство из них — доброжелательных, если не сказать, медоточивых. Вот, например, эпиграмма, посвященная появлению журнала "Юность", первым редактором которого был Катаев:

Он в хор писателей широко
Ввел молодые голоса,
Чтоб не белели одиноко
В литературе паруса.

Конечно, редакторская работа Катаева оценивалась положительно, им были опубликованы воистину новаторские произведения и открыты новые талантливые авторы. Но истинный сатирик и в бочке меда найдет ложку дегтя и обратит внимание именно на нее. Так и сделал одессит Э. Кроткий:

Катаев, юных ждя гостей,
Им вход в искусство открывает, —
А сам, пожалуй, застревает
В одесской юности своей...

А Рейжевский и дальше продолжал славословить земляка:

Писатель полон свежих сил
И творческого рвения.
"Святой колодец" оросил
Его "траву забвения".

Тут его благодушное мнение столкнулось с мнением иных творческих личностей (также связанных с Одессой), совершенно иначе прореагировавших на названные произведения. В. Шкловский, женатый на одной из трех знаменитых сестер Суок, задетый чрезмерно откровенными и субъективными мемуарами Катаева, ответил ему с необыкновенной резкостью:

Из десяти венцов терновых
Алмазный свил себе венец
И так явился — гений новый! —
Завистник старый и подлец.

Эпиграмма эта далеко не открывала перечень злых миниатюр в адрес Катаева. Их было достаточно много, написанных с позиций людей обиженных, раздраженных, оскорбленных. Достаточно сослаться на одну (в форме эпитафии), приписываемую то Ю. Олеше, то Л. Никулину:

Здесь лежит на Новодевичьем
Помесь Бунина с Юшкевичем.

Даже этот беглый перечень эпиграмм позволяет ощутить всю неоднозначность отношений современников к Катаеву.

И в заключение уместна эпиграмма неодессита А. Вознесенского, выполненная, тем не менее, вполне в одесском стиле. Она настолько живописна, что даже у людей, никогда не встречавших Катаева, рождает ощущение близкого с ним знакомства:

В жилетке, точно туз козырный,
Прищурясь, как парижский сноб,
Катаев, как малокозырку,
Надвинет челочку на лоб.

Таким писатель остался в памяти многих, имевших с ним дело.

Если Катаева можно считать самым знаменитым из плеяды одесситов начала XX века, то Ю.К. Олеша вполне подойдет под определение самого экзотичного. Говоря об истинном романтизме, еще неизвестно, кому надо будет в первую очередь присвоить звание романтика — Э. Багрицкому или Олеше. И в юности, когда он писал стихи, и в зрелом возрасте, когда пере-

шел на прозу, Олеша был оригинален и ни на кого не похож. Об этом же говорят эпиграммы, относящиеся к далеким одесским временам.

З. Шишова:

Ты, Олеша вдохновенный,
Рыцарь маленьких актрис,
Почитатель неизменный
Золотых фиордализ!

Л. Ласк:

Ты ритмом Пушкина свой стих ударный меряешь,
За это, друг Олеша, я тебя люблю.
Но до тех пор, пока в Катаева ты веришь,
В тебя поверить не могу.

Л. Славин:

Небритый, хмурый, шепелявый
Скрипит Олеша лилипут.
Там в будущем — сиянье славы
И злая проза жизни тут.

Действительно, и слава, и "злая проза жизни" шли рука об руку в судьбе Олеша. Роковую роль в биографии писателя, как ни странно, сыграла гениальная повесть "Зависть". Она стала его победой, но одновременно и его бедой. Вот начало пародии А. Архангельского:

"Андрей Петрович!

Я плачу по утрам в клозете. Можете представить, до чего довела меня зависть..."

Конечно, это имитация письма героя повести Кавалерова, но если подумать, не только... Л. Озеров, вспоминая Олешу, писал: журналам не нужны были его новые произведения, все ждали повторения "Зависти". Как рефрен через мемуары прошла фраза Олеша: "Прошу запомнить — Юрий Олеша, не востребовавший писатель...". Наверно, и отсюда тоже многолетнее легендарное молчание художника.

Но "Зависть" и в этой ситуации была палочкой-выручалочкой.

В. Инбер:

Юрий Карлович Олеша!
Вот вам срочная депеша:
"Разошлась мгновенно "Зависть",
Прекращаем в Лавке запись.

Инбер ведет речь о переизданной повести Олеша, которую после очередного выхода в свет невозможно было приобрести даже по предварительной записи в Книжной лавке писателей.

Одесса всю жизнь не отпускала Олешу. И в периоды долгого молчания он не переставал думать о ней и с ностальгическими подробностями день за днем, шаг за шагом вспоминал все те мелочи, что окружали его в Одессе в годы детства и юности.

Пусть и с небольшим числом созданных произведений Олеша остался в советской литературе знаменитым писателем. Дело, в конечном итоге, не в количестве...

А.Е. Адалис — поэтессе с весьма своеобразной репутацией — было посвящено не так много эпиграмм, но их смысл сводился к одному и тому же. Еще об одесской юности З. Шишова писала:

...Или со стрелой Эроса
Ты, всех женщин впереди
Розу нежную Пафоса
Возрастившая в груди;
Знаменитая певунья
И — за правду не сердись —
Ослепительная лгунья
Аделина Адалис...

Эта характеристика потянулась за поэтессой из Одессы в Москву. М. Светлову приписывают авторство эпиграммы в форме откровенного диалога:

— Вы в первый раз в Москве, Адалис?
— Да, я приехала сейчас.
— Вы в первый раз в Москве отдались?
— Нет! И в Одессе много раз!

С. Эфрон высказался на эту же тему более кратко:

Расскажите мне, Адалис,
Как вы Брюсову отдались...

Конечно, к провокационной рифме подталкивало соблазнительное звучание фамилии. Но, как говорят, без дыма огня не бывает. С. Васильев недаром завершил пародию на Адалис символической строкой:

Держите меня, ведь сама я себя не сдержу...

Не об этом ли и у И. Сельвинского?

...Alles
Über Адалис.

И Илья Ильф и Евгений Петров проявились как литераторы, уже уехав из Одессы, поэтому следы стихотворных отзывов периода их одес-

ской молодости найти сложно. Но одессит М. Пустынин, тоже давно покинувший родной город, сумел достать их и на "чужбине":

Добра немного на двоих.
Об этом знает и ребенок:
Всего имущества у них —
12 стульев и теленок.

Он же (в соавторстве с А. Архангельским) упомянул о них в переделке "Евгения Онегина":

Имелась двойня: Ильф-Петров.
О сих владельцев острых перьев
Провозгласил остряк один:
Ильф — Салтыков,
Петров — Щедрин.

Надо сказать, что сатирики не так уж часто нападают друг на друга. Может быть, именно поэтому Ильф и Петров, по большому счету, остались "не охвачены" злыми пародиями и эпиграммами не только одесских, но и иных авторов. Не хотели шутить с огнем сатирики!

Сегодня, когда смещаются литературные и политические акценты, трудно говорить о лидирующем значении какого-либо писателя. Когда речь шла о Катаеве, он был назван самым известным из одесской плеяды авторов начала XX века. Сейчас книги Ильфа и Петрова, пожалуй, легко составят конкуренцию его произведениям, а с течением времени соавторы вполне могут стать более популярными, чем их "крестный отец".

С.И. Кирсанов относится к поэтам в некоторой степени недооцененным. Среди одесситов он пользуется известностью, скорее всего, благодаря авторству слов песни "У Черного моря". В свою очередь, и он сам попал в персонажи одесской пародийной песни:

...И Сеня Корчик. Он теперь Кирсанов.
Среди поэтов он в Москве как туз.
Родился он на улице Гаванной,
И только ростом вышел карапуз...

Московская жизнь Кирсанова нерасторжимым образом связана с изданием его стихов и бурным потоком пародий и эпиграмм в ответ на эти издания. В этот поток ручейком вливались сатирические миниатюры одесситов. М. Пустынин, обычно не щадивший даже земляков, "проехался" и по особенностям поэзии Кирсанова. Им написана масса пародий на поэта в составе циклов "Прибежали в избу дети", "Памятник Пушкину", "Стреляй

метко", "Сон Татьяны", "Открытие кафе при Доме печати" и др. Например, в его представлении сам Пушкин мог так отозваться о творчестве поэта:

Спустя сто лет
начну писать я заново,
В Семена
воплотюсь
Кирсанова.

Одесситка старшего поколения В. Инбер, сочиняя стихотворный текст к шаржам Кукрыниксов "Литературный планетарий", не забыла про земляков и упомянула Кирсанова:

...небеса нам
Освещает Семен Кирсанов,
Играя огнями спектра.
Этот лит. метеорит
Падает и горит
Необычайно эффектно.

Инбер попала в самый нерв поэзии Кирсанова, упомянув о его эффектном горении. Многие, писавшие о работе поэта, сосредотачивали внимание на его поэтических исканиях в словотворчестве. Аноним, фактически отказывая Кирсанову в праве на эксперимент, назвал его стремление к новаторству иным термином:

У Кирсанова три качества:
Трюкачество, трюкачество
И еще раз трюкачество.

Люди, смотрящие более глубоко и более чутко понимающие природу поэтических открытий, оценивали Кирсанова иначе. Упомянувшийся уже А. Крученых предупреждал грядущих новаторов от литературы, что те новинки, которыми они желали бы прославиться, можно считать давно пройденным этапом творчества Кирсанова:

Взявши курс наново,
Наткнешься на Кирсанова.

Поэт не был оторван от действительности, он не замыкался в выдуманном им радужно-мозаичном мире; у него доставало мужества отстаивать право поэта на фантазию и поиск вопреки догматам политических и литературных бюрократов. В конце сложных 30-х годов он иронически писал о политике литвождей:

Всех раздемянили.
Решения близкого
С трепетом жду оттуда,

Будут ли нас теперь обагрицковать
Или обЖаровать будут.

Свой взгляд на текущие проблемы в то время мог себе позволить далеко не каждый советский литератор, тем значимее была независимая позиция Кирсанова.

Сейчас, по прошествии многих лет, всматриваясь в фигуры, окружавшие будущих знаменитых писателей в Одессе их юности, кажется, что среди них было много случайных лиц. Это ощущение обманчиво и в корне не верно. Одесское поэтическое сообщество в целом создало необыкновенную атмосферу, располагающую к творчеству, к особому восприятию мира, к интересу к литературе во всех ее проявлениях. И неизвестно еще, кто оказал большее влияние на будущие таланты: общезначимые авторитеты или не знакомые широкой публике увлеченные литературой одесские юноши и девушки.

Среди них были те, кто впоследствии совсем забросил литературу, и те, для кого она стала смыслом жизни. Их имена не печатались крупными буквами и не мелькали на страницах прессы, но это не означало, что их литературная юность прошла бесследно. Они были той средой, без которой будущие титаны могли просто зачихнуть в непонимании, безразличии, пренебрежении...

Отношение к литературным мальчикам и девочкам было общее для того времени: от восхищения до насмешки. И если о Зинаиде Шишовой Ю. Олеша сказал: "Она талантливее всех нас", то существовавший рядом коллега, не назвавший своего имени, отозвался о ней противоположным образом:

Стихов ее характеристика:
Скучища безмерная,
Безмерная мистика
И рифма прескверная.

К С. Бондарину относились с легкой насмешкой: "Бондарин — рифмами ударен...". Об интересном поэте С. Кессельмане (кстати, авторе эпиграмм и пародий) осталась весьма ядовитая сатира Э. Багрицкого, не имевшая, впрочем, к нему как к поэту никакого отношения:

Мне мама не дает ни водки, ни вина.
Она твердит: вино бросает в жар любовный;
Мой Сема должен быть как камень хладнокровный,
Мамашу слушаться и не кричать со сна.

Не совсем внятная эпиграмма была посвящена анонимом Б. Бобовичу:

Пускай вас злобный критик не порочит,
Ваш каждый стих в потомстве будет жить, —
Потомок ваш, конечно, не захочет
Бесцветных, вялых, скверных рифм простить.

Эпиграмма Аргена в форме шуточной эпитафии свидетельствовала о сохранении Бобовичем и в более поздние годы одесской склонности к шутке по любому поводу:

О мертвых неудобно говорить,
Лежит здесь прах Бобовича унылый.
Хоть в жизни порывался он острить,
Но пусть острит он лучше из могилы.

Очевидно, эпиграммы, посвященные не менее талантливым поэтам В. Бабаджану, А. Фиолетову, Д. Агатову и многим другим остались неизвестны читающей публике и не дошли до нашего времени. Свидетельством того, что увлечение литературой для одесской молодежи не было случайным, является появление мемуаров о том далеком времени. Среди авторов, вспоминая юность, были В. Катаев, Ю. Олеша, Л. Славин, В. Инбер, С. Бондарин, З. Шишова, Б. Бобович, Г. Долинов, Т. Лишина и др.

Приведенные в этом коротком обзоре эпиграммы и пародии еще раз напоминают о славном для литературы времени, когда Одесса явилась родиной целого отряда выдающихся литераторов, о которых (вне зависимости от масштаба их талантов) забывать не следует в любые времена.

Пожалуй, не следует забывать (а при случае и выполнять) просьбу З. Шишовой — одной из одесских поэтесс, обращенную к друзьям юности:

У себя, на светлом юге,
Память к прошлому храня,
Вы бокал последний, други,
Подымайте за меня.

Будем же верны завещанию поэтессы...

"Городок" — пятый угол

Городские романсы

* * *

КОРРЕСПОНДЕНТ. Перед нами — гость из небольшого города Нафиганска господин Кукушкин. Однако он известен во всей нашей стране как автор Нафиганского экономического чуда. Расскажите, пожалуйста, нашим читателям, что это такое и как оно работает?

ГОСТЬ. Пожалуйста! У нас в городе Нафиганске уже 10 лет вообще ничего не работает, а город живет. Это и есть Нафиганское экономическое чудо!

* * *

Мэр и проверяющий из столицы у карты городка.

МЭР. В основном наш город, за исключением центра, состоит из одноэтажных барачков.

ГОСТЬ. А центр?

МЭР. Ну, центр! Центр — из пятиэтажных. А вот тут я живу.

ГОСТЬ. А, значит, это ваша вилла у озера? Видел, видел.

МЭР. Ну что вы, откуда у меня вилла? Вилла принадлежит моей жене.

ГОСТЬ. Ну да, ну да. (*Присматривается.*) Я смотрю, у вас тут и приличный кинотеатр есть?

МЭР. Кто вам сказал? Это клевета! Кинотеатр тоже принадлежит моей жене!

Это еще цветочки

* * *

Мужчина выбирает цветы у продавца на улице.

МУЖЧИНА. Даже не знаю, какие выбрать. Мне нужны цветы для жены, у нас с ней сегодня серебряная свадьба — 25 лет совместной жизни.

ПРОДАВЕЦ. Поздравляю! Тогда бери вот этот букет. Видишь, какие шикарные бутоны? Возьмешь 25 штук — и жена 25 дней будет любить тебя, как после свадьбы!